

Девиз «Имей мужество пользоваться собственным разумом» (И.Кант)

Разговор между И.Кантом, Л.Толстым и современным профессором философии по вопросу «Возможна ли нравственность, независимая от религии?»

Начало

Представим себе, что летом 2010 года где-то под Москвой встретились великие мыслители человечества – Иммануил Кант и Лев Толстой на даче у российского профессора философии Андрея Отвагина. Поводом для встречи стала тема, заданная Институтом философии Российской академии наук «Возможна ли нравственность, независимая от религии?».

После непродолжительных приветствий гостеприимный хозяин дачи начал рассказывать великим мужам о нынешней ситуации в России, в российском образовании и в самой философской науке. Внимание и напряженность не сходили с их лиц.

Часть I

Отвагин: Итак, господа, российская философская наука вновь оказалась перед серьезным выбором: либо служить церкви и государству, либо служить истине. Долгое время философия в нашей стране являлась служанкой однопартийной системы и дискредитировала себя в глазах общественности. Сейчас настало время для самооправдания, реабилитации и нового утверждения философских знаний в российском обществе. В нынешних условиях распада прежней советской цивилизации особое значение имеют вопросы морального и религиозного самоопределения россиян, в том числе и выработка новой государственной идеологии. Поэтому тема, предложенная академией наук для публичного обсуждения, по моему мнению, призвана внести ясность и определенность в современные отношения между моралью и религией.

Кант: Хотелось бы услышать от Вас, что Вы понимаете под «моралью» и «религией»? Я много об этом размышлял, но ведь прошло больше двухсот лет и, наверное, человечество далеко продвинулось вперед, а мои идеи уже устарели.

Отвагин: Уважаемый профессор, Кант, попробую выразить главное. В XIX веке в практической философии стали разделяться понятия «мораль» и «нравственность». Мораль начали представлять как совокупность общепринятых правил поведения в данном обществе, а нравственность относить к внутреннему, личному своду норм и принципов поведения человека, которая может отличаться от общественной морали. В XX веке это разделение еще более усилилось. Как видите, все перевернулось с ног на голову.

Кант: Действительно, многое изменилось. Я никак не мог предположить, что нравственность («Sittlichkeit») будет сведена именно к «нравам» («Sitten»), т.е. к господствующим привычкам, обычаям поведения и традициям. А как Вы, господин Отвагин, современный профессор философии, мыслите эти понятия? Различаете ли их?

Отвагин: Уважаемый профессор, по моему мнению, понятия морали и нравственности очень близки друг к другу. Я не буду скрывать, что разделяю Вашу точку зрения. Смысловое содержание этих понятий коренится в способности человека обязывать себя к исполнению требований разума. Если это обязывание оказывается внешним, насильственным, то оно перестает быть моральным, и становится внешним принуждением подобным юридическому законодательству. Не случайно, в русском языке появилось такое выражение «давить на мораль», т.е. воздействовать извне (со стороны) на моральное чувство, на совесть человека, чтобы заставить его чем-то пожертвовать, например, раскошелиться или оказать бесплатную услугу, а то и пожертвовать своей жизнью.

Кант: Вы правы, господин Отвагин, разделять мораль и нравственность, значит, умножать сущности. Для зрелой философии – это не допустимо. И все же мне интересно, как Вы понимаете в XXI веке религию.

Отвагин: Понятие религии в наше время стало очень многозначным, а как следствие, путанным. Самое обыденное значение религии – это вера в Бога, в высшую силу, которая управляет этим миром. При этом верить можно по-разному, и по-разному понимать Бога. Например, наш уважаемый собеседник, Лев Николаевич Толстой, не очень ясно высказывался о Боге, и дал повод для самых разных толкований.

Толстой: Я так понимаю, пора и мне высказаться в кругу профессиональных философов, и конечно, перед лицом великого Канта. Наверное, потомкам виднее, ясно или не ясно выразил я свое понимание религии. Главное, что все было сказано без обмана, как я думал, как переживал. Мне приятно, что через сто лет российские философы вспомнили о моей статье «Религия и нравственность» и продолжили обсуждение этой темы. Итак, что для меня очевидно в вопросе о религии и нравственности. Во-первых, религия порождается не страхом перед неведомыми силами природы, а сознанием своего ничтожества, одиночества и своей греховности. Во-вторых, сущность всякой религии состоит в ответе на вопрос: зачем я живу и какое мое отношение к окружающему меня бесконечному миру? И, в-третьих, я полностью согласен с профессором Кантом в том, что есть только одна религия и множество вероучений.

Кант: Очень признателен Вам, господин Толстой, за интерес к моим философским работам. Я вижу близость наших позиций, но пока мне не очень понятно, как Вы связываете религию и нравственность.

Толстой: Да, да, с удовольствием продолжу свою мысль. Я считаю, что религия – это сознательное, разумное отношение человека к миру, которое определяет смысл его жизни. А нравственность – это указание и разъяснение той деятельности, которая будет вытекать из этого отношения человека к

миру. Я вижу три возможных отношения человека к миру. Первое отношение заключается в стремлении человека к приобретению для себя наибольшего блага. Для достижения своих эгоистических целей он будет использовать любые средства, оправдывать любые преступления и подлости. Примерно таким же будет и второе отношение, которое проявляется в служении своей семье, роду, государству и даже человечеству. Когда ради исполнения своего служебного, воинского или иного долга, человек убивает, насилует, обманывает других людей, прикрывая это безобразие великими целями. И только отношение к Богу как существу, пославшему человека на землю для любви и ради любви ко всем людям, можно считать подлинно нравственным отношением. Тогда человек способен пожертвовать своей личностью, семьей, отечеством для того, чтобы исполнить волю Бога.

Кант: Насколько я понял из Ваших слов, господин Толстой, Вы имеете в виду различные максимы человека, т.е. субъективные принципы поведения, которые и задают определенные отношения к миру. Я согласен с Вами, что максимы себялюбия не могут быть моральными, потому что они нацелены только на частный интерес. Мне бы хотелось уточнить у Вас, способен ли человек своим разумом постичь истинный смысл божественных заповедей, чтобы не оказаться обманутым или введенным в заблуждение другими, более образованными людьми?

Толстой: Я не раз перечитывал Ваше бессмертное сочинение «Религия в пределах только разума», не раз восхищался им. А потому говорю прямо, что только разумным сознанием конкретного человека познаются заповеди Бога и принимаются за правила поведения. В этом я убежден, и во многом благодаря Вам, господин Кант.

Часть II

Отвагин: Уважаемые господа, мне кажется мы можем перейти к обсуждению самого вопроса Академии наук. Я попрошу Льва Николаевича продолжить и ответить на этот вопрос.

Толстой: Я убежден, что нравственность не может быть независима от религии, потому что она не только является следствием религиозного отношения к миру, но она внутренне присуща религии. Именно христианская религия видит смысл жизни человека в самоотречении, преодолении животного эгоизма и утверждении любви к ближнему.

Для меня религия – это корень, а нравственность – это стебель растения под названием человечество. Поэтому невозможно пересадить растение в другое место без корня. Без религиозной основы не может быть никакой настоящей, непритворной нравственности, точно так же как без корня не может быть настоящего растения.

Отвагин: Действительно, образ растения очень наглядно иллюстрирует Вашу позицию, Лев Николаевич, но когда речь идет о людях, причем о разных людях, то, пожалуй, нужно точнее объяснить это «отношение человека к бесконечному миру». Конечно, я помню, как в письмах к

Николаю Страхову, Вы резко критиковали философов за замысловатую терминологию и пустословие, ибо за словами должна быть видна предметность, реальность. Так, вот, когда Вы говорите о религии как особом отношении к миру, то даете лишь правильную схему, которая может быть понятна и доступна многим людям. При этом упускается из виду то, что само «отношение к миру» есть дело разума. Хотя нам известно, что вы долгое время противопоставляли «разум» «сознанию», и считали разум источником несвободы, зависимости человека от внешнего мира. И все же вы вернулись к разуму как высшей человеческой способности.

Толстой: Мне всегда было трудно разговаривать с профессиональными философами, хотя и интересно. Моя задача состоит не в терминологической точности и детализации понятий, мне важна суть вопроса и убедительность аргументов. Я не раз продумывал многие философские термины и большинство из них представлялись мне пустыми, «волюпуками». Но когда мы философствуем в присутствии профессора Канта, наши понятия и рассуждения должны быть строгими и необходимыми. Итак, господин Отвагин, я могу с Вами согласиться, и прежде всего с профессором Кантом, в том, что религия должна быть разумна. Нужно признать, что сознательное отношение к миру будет проявлением человеческой разумности. Но полностью согласиться с этой мыслью я не могу...

Отвагин: Уважаемый, профессор Кант, мне бы хотелось предоставить Вам слово для ответа на этот вопрос.

Кант: Наверное, мне придется повторить свою мысль, высказанную в сочинении «Религия в пределах только разума». «Мораль не нуждается в религии, так как благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе». В свое время она вызвала большой скандал в общественных, и особенно, в церковных кругах Германии, хотя я не вижу в ней ничего радикального или революционного. Эта мысль вовсе не отрицает религию, и не уменьшает ее роль в жизни общества, она лишь показывает автономию морального сознания человека как субъекта практического разума, который выводит нас на уровень умопостигаемого бытия. Когда же человек выходит на этот уровень мышления, то он необходимо приходит к идее Бога, бессмертия души и свободы воли. Я всегда был противником разного рода атеизма и вульгарного материализма, которые превращают человека в природную машину или инструмент чьей-либо высшей воли, и вместе с тем я не могу смириться с упрямым догматизмом богословия, многочисленными религиозными суевериями и легкомыслием в делах религии.

Отвагин: Многие современные критики обвиняют Вашу философию религии в противоречивости и непоследовательности, в скрытой антицерковности и разрушении основ религии откровения.

Кант: Я не удивлюсь самому существованию таких мнений, меня печалит то, что и через 200 лет они по-прежнему господствуют в научном сообществе. По сути, эти мнения показывают, что и современная философия до сих пор колеблется между религиозным догматизмом и опытно-экспериментальной наукой, не находя надежных и общезначимых оснований

для собственных утверждений. А главное, что между философией и религией, между знанием и верой по прежнему нет глубокого взаимопонимания и доверия.

По поводу моей антицерковности и отрицания религии откровения, могу опять же сослаться на мой трактат о религии. Начну с того, что я различаю «историческую» или церковную веру и «веру чистого разума». Историческую веру, например, католицизм, православие или магометанство я действительно называю церковной, так как она всегда связана с культовыми сооружениями, обрядовыми формами и государственной властью. Историческая вера всегда основана на божественном откровении и своем священном Писании. Но характер этого откровения таков, что оно дается человеку тайно или явно случайным образом, а потому избранники божии могут совершенно не понимать своей заслуги, ибо они воспринимают откровение через свои чувства, т.е. субъективным, особенным и неповторимым способом. Это значит, что истины откровения не могут быть всеобщими, т.е. обязательными для всех людей. Всеобщая обязательность божественных заповедей может происходить только из общечеловеческого разума.

Толстой: Я совершенно с Вами согласен, уважаемый профессор, но ведь многим людям нужна легкая и доступная вера, не требующая больших умственных усилий, и в то же время дающая убедительную надежду на спасение души и блаженство в ином мире. Может ли чистая разумная вера противостоять традиционным верованиям людей?

Кант: Нелегко убедить человека, что Бог требует от него только постоянного стремления к морально-доброму образу жизни, что только в этом и будет состоять истинное служение Богу. Для такого убеждения нужна разумная основательность и вдумчивость. Так, если мы хотим угодить Богу своими мыслями или поступками, значит мы рассматриваем его как живое существо, на которое можем воздействовать, влиять на него. Мы надеемся, что Бог нас слышит, видит, понимает, но чего он от нас требует – это мы можем знать только из его моральных требований или заповедей. Эти моральные требования каждый человек может познать своим собственным разумом и следовать им своими силами, надеясь на божью помощь. Человек может просить у Бога самого разного: и здоровья, и богатства, и любви, но если сам человек не будет прилагать никаких усилий для достижения этих целей, и при этом не будет следовать моральному образу жизни, то вряд ли Бог услышит эти безосновательные мольбы и вряд ли поможет. Ведь если человек обращается за помощью к высшему повелителю, который одновременно является и законодателем этого мира, то просящему следует знать законы, которые предписаны всем подданным, и за исполнением которых правитель строго следит. Если намерения просящего помощи неискренни, корыстны и противоречат установленным законам, то справедливый повелитель сразу разоблачит их, и не только не окажет содействия, но и накажет обманщика.

Далеко не все люди хотят верить в справедливого повелителя, а потому надеются на случайное прощение и благополучие. Церковная вера исходит из того, что жизненные интересы и материальные потребности большинства людей являются препятствиями для исполнения моральных заповедей. Поэтому церковь вынуждена использовать различные формы внешнего принуждения – культы, обряды, ритуалы, чтобы обуздать чувственную природу человека и направить ее к чисто моральному умонастроению. Таким образом, церковная или историческая вера дает вспомогательные средства дисциплинирования человека, которые по своей сути являются морально-безразличными действиями. Но если они совершаются ради служения Богу как высшему моральному законодателю, то не будут противоречить моральным законам разума.

Отвагин: И все же Вы обнаружили в религиозном сознании «загадочную антиномию» божественной благодати и самодеятельности человека. Получается, что это противоречие между исторической верой, основанной на откровении, и чистой верой, основанной на разумном постижении божественных заповедей как моральных законов.

Кант: Может быть я и называл эту антиномию загадочной, но Вы, наверное, знаете из текста моей книги о религии, что она является кажущейся, иллюзорной антиномией, которая может произвести впечатление неразрешимого противоречия в человеческой жизни. При внимательном рассмотрении обнаруживается, что она представляет собой лишь два противоположных применения практической идеи нашего разума, а именно – идеи морального первообраза, того образца, который является мерилom человеческого образа жизни. А противопоставление этих применений как различных принципов происходит от человеческого недоразумения.

Первое применение исходит из того, что моральный первообраз мыслится в Боге и коренится в нем, а потому Бог предстает в качестве высшего морального законодателя, абсолютного вседержителя, который произвольно решает вопрос о спасении того или иного человека.

Второе применение исходит из того, что этот первообраз находится в самом человеке, в его разуме, и требует от человека постоянных личных усилий для следования первообразу как воле Бога. На этом основании добродетельный человек может надеяться на высшее содействие, которое восполнит недостаток его ограниченных сил и способностей.

С теоретической точки зрения, божественная благодать (высшее содействие) возможна только как сверхъестественное действие, которое недоступно человеческому пониманию. С практической точки зрения, более важной является разумная деятельность человека, а не пассивное ожидание благодати, так как человек может понимать, что его личные моральные усилия по справедливости будут решающим условием нравственного совершенствования и будущего спасения. Когда человек понимает, что он достоин спасения, его вера в божественное содействие получает единственную надежную опору.

Толстой: Насколько я понял, Вы считаете, что противоречия между ожиданием божественной благодати и добрым образом жизни можно избежать, и примирить церковную веру с верой чистого разума. По моему мнению, этого противоречия невозможно избежать, так как все равно придется делать выбор между церковной верой или религией разума.

Кант: Сложность этого вопроса очевидна, и противоречие может стать реальным и может вызвать крайне опасное противоборство в том случае, если представители исторической веры будут упорствовать в возможности и необходимости теоретического обоснования божественной благодати. К тому же скептическое отношение к всеобщности чистого разума будет усиливать это противоречие.

Толстой: Получается, что мы вновь возвращаемся к вопросу о том, будем ли мы доверять своему разуму или нет?

Отвагин: Уважаемый Лев Николаевич, но ведь Вы сами долгое время отдавали предпочтение не разуму, а непосредственному сознанию жизни, и даже противопоставляли разум сознанию как необходимость свободе.

Толстой: Да, это было. Признаю, эта тема меня очень волновала и заставляла много размышлять. И все-таки для меня остался непонятным кантовский переход от необходимости природы к моральной свободе человека.

Часть III

Кант: О том доверять своему разуму или нет, бессмысленно спорить, этот вопрос каждый из нас решает ежеминутно в своей практической жизни. Попробуйте не пользоваться разумом на работе, в домашних делах или семейных отношениях, и Вас очень быстро примут за слабоумного или душевнобольного человека. Так почему же в делах морали и религии можно пренебрегать разумом, причем ради высших интересов самого разума? Я имею в виду познание Бога, души и иного мира. Из этого пренебрежения разумом возникают наивные верования в различные чудеса, тайны и потусторонние силы.

Отвагин: Я думаю, в современной жизни подобного рода наивность и недоразумение приводит к страшным последствиям. Так, нынешним жарким и засушливым летом почти вся страна оказалась в плену лесных пожаров, а многие селения превратились в пепелища. Да вы, наверное, и сами чувствуете едкий запах дыма.

Разум предполагает, что для борьбы с пожарами необходимы быстрые компетентные действия, которые не возможны без современных технических средств и знаний. А церковь надеется на молебны о ниспослании дождя. Хотя очевидно, что тушить пожары нужно всеми противопожарными и даже подручными средствами, а молитва может пригодиться позже.

Толстой: Несомненно, что в житейских делах и в вопросах материальной жизни мы должны опираться на здравый смысл, на знания, на разум. Но когда речь заходит о предметах нематериальных и

сверхчувственных, то наши знания оказываются бессильными. Ведь в этом смысл кантовской критики чистого разума. Я не могу отказаться от понятия Бога лишь потому, что о нем я не могу иметь полного знания, так же как и о своей душе. Другой вопрос, как соединить теоретическую проблематичность понятий Бога, души и бессмертия с их практической необходимостью для жизни человека, т.е. с интересами веры. Ведь если я буду говорить юноше, что доказать бытие Бога не возможно, и что Бог только идея нашего разума, то скорее всего, он сделает вывод, что Бога нет и это лишь пустое слово. И тогда горизонт его мышления будет ограничен лишь рамками земного, временного существования. А следовательно, его нравственные представления будут ориентированы только на утилитарную пользу, на те удовольствия, которые он сможет испытать в своей животной жизни.

Кант: Вы очень точно показали логику прагматического мировоззрения, нацеленного на достижение максимального блаженства в земной жизни. С прагматической точки зрения религиозные верования всегда относительно, так как они не могут гарантировать блаженства в ином мире. Из этого следует, что религия в качестве внутреннего принуждения используется для дополнения и подкрепления государственного правопорядка. Но тогда она теряет свою моральную самодостаточность и абсолютную самоценность, и превращается в статуарную религию.

Когда же речь заходит о воспитании новых поколений людей, то бесконечно важно приучать детей питать отвращение к пороку, не только потому, что Бог это запрещает, но и потому, что это само по себе отвратительно. Ведь иначе у них весьма легко появляется мысль, что они могут делать все, что им угодно, что это вообще было бы позволительно, если бы только Бог этого не запретил, и что поэтому Бог, вероятно, на один раз может сделать исключение. Бог – существо святейшее, он желает только добра и требует, чтобы мы ценили добродетель ради ее внутреннего достоинства, а не потому, что он этого требует.

Отвагин:

Сочинение осталась незавершенным из-за аномальной жары, сильных пожаров и ужасного смога летом 2010 года